

И никакие одуванчики, светящиеся в свежей зелёной траве, больше не радовали Ксюшу... Не видеть бы вообще все эти дурацкие цветочки! Зачем они только существуют? Людей губить?!

Одуванчики могли сколько угодно изображать из себя маленькие солнышки, девочке больше не было до них дела. Жизнь её была кончена. Разве можно жить с двойкой по технологии?!

– У тебя руки не из того места растут, – повторяла она шёпотом слова учительницы, и скользкие от слёз губы начинали противно расползаться.

Почему до сих пор никто не говорил Ксюше, что она – жуткий монстр? Руки не оттуда растут – как она сама не замечала этого?! Ведь смотрелась же в зеркало... Неужели все страшные существа, эти гидры и горгоны, о которых Ксюша читала, тоже видели себя вполне нормальными? Косички по бокам, как требуют правила их гимназии, два серых глаза, один нос... Рот, может, большеват? Но это, наверное, потому что она часто улыбается.

Только не сейчас. Больше Ксюша не улыбнётся никогда! И уже тем более не станет смеяться. Над чем?

Разве есть в мире что-то забавнее девятилетней девочки, у которой руки растут не из того места? Одноклассницы прямо чуть с парт не по-

падали! А над собой посмеяться не получалось, хотя мама не раз повторяла:

– Уважаю, Ксения! Ты способна на самоиронию. Для красивой девочки это очень важное качество, чтобы крышу не снесло...

Она – красивая девочка?! Ксюша захлебнулась слезами. В носу хлюпало на всю округу, и пришлось остановиться, чтобы достать из ранца бумажные салфетки. Всё-таки сопливый монстр ещё противнее обычного... Ну почему родители столько лет скрывали её уродство? Хотя их можно понять, конечно! Кому хочется признавать, что его ребёнок – чудовище?

Вытерев нос, Ксюша огляделась. Оказывается, она уже забрела в парк, через который всегда ходила в школу. Её дом – жёлто-розовый, радостный – ждал сразу за витой оранжевой оградой. Но как она может вернуться туда? Притащить своё чугунное, как папина гиря, чёрное горло в их солнечную квартиру...

«Я больше никогда не вернусь домой, – она судорожно всхлипнула. – Не пойду в школу. Не поступлю в институт. Я буду жить в коробочке и есть голубей».

Её самую ужаснула эта мысль, ведь голуби ей нравились. Особенно те, белые, которых выпускали в небо из голубятни за парком. Они так свободно и красиво парили среди вытянутых и прозрачных или пухлых облаков! У Ксюши даже

сердце трепетало, когда она следила за полётом этих птиц. А плечи сами начинали двигаться, словно за спиной расправлялись крылья... Полететь бы за голубями! Влиться в их стаю и кружить над городом, хохоча над чёрными дырами разинутых ртов. Ну да, и взрослые, и дети точно задрали бы головы и ахали наперебой! Часто ли увидишь летающую девочку?

Так что голубей Ксюша всегда считала своими друзьями. Ну будущими друзьями! А своих близких разве едят?

– Буду жить в коробочке и есть голубей, – повторила она, замороженная глубиной своего падения, – как бож, которого за гаражами поймали...

От счастливой и светлой жизни её отделял один паршивый цветочек. То есть это у Ксюши он вышел паршивым, а на доске выглядел очень даже симпатичным маком. Его надо было просто аккуратно вышить алыми и зелёными нитками на белой салфетке.

И Ксюша очень старалась! Но мулине вступили в заговор с ушастой иглой – так девочка называла иглку с большим ушком. Они специально путались и переплетались вообще не там, где нужно. Стежки разбегались в разные стороны, как будто были рассыпанными по полу детальками «Лего». И, главное, все оказались разной длины!

Правда, Ксюша разглядела это только сейчас, достав проклятую вышивку из бокового кармана ранца. Сунула туда наспех, чтобы спрятать её ото всех, когда учительница... Ну, в общем, когда выставляли оценки.

А пока шёл урок, она вышивала с удовольствием и даже радовалась, какой красивый получается мак.

Ксюша уже видела, как подарит его маме, а та обрадуется и расцелует её:

– Умница моя! Рукодельница.

«Я никогда не увижу маму! И папу...»

Это горе так ударило в самое сердце, что Ксюша выронила смятую салфетку с уродским цветком. А продохнув, в ярости начала топтать её. Если б не двойка, они все жили бы так же весело и счастливо! А теперь всё испорчено. Никакого будущего... Никогда ей не получить работу в кино, как давно мечталось! Потому что сценаристы не живут в коробочках...

Почему-то ни разу Ксюша даже не подумала о том, будут ли её ругать за двойку. Скорее всего, нет, ведь её родители не особо интересова-

лись школьными оценками. Даже дневник забывали подписывать! Можно было вообще утаить эту дурацкую двойку, но не в ней же было дело! А в том, что чудовище, у которого руки не оттуда растут, не должно жить среди людей. Это же прямо страшная сказка, а не жизнь будет!

Тяжело дыша, она смотрела на втопанную в землю грязную тряпочку. Вот уже и не разглядишь этот уродский цветочек... Его больше нет. И её тоже.

Подцепив за ляжку жёлто-сиреневый ранец, девочка потащила его по парку. Надо было найти коробочку, в которой можно спрятаться от всего мира. И никто больше не заставит её вышивать. И не поставит двойку! Смеяться не станут...

Будет она лежать себе, свернувшись, как их кошка Алиска, а ночами выходить на охоту. Интересно, Алиса смогла бы поймать голубя? А если получится схватить птицу, что с ней делать дальше?

– Фу! – вырвалось у Ксюши, когда воображение быстренько нарисовало несколько картинок – одна противнее другой.

Её даже затошнило от этих мыслей, и девочка заторопилась – только бы не на глазах у людей. Парк у них огромный, в нём легко затеряться. Это из школы домой она всегда ходит... то есть ходила по центральной аллее. И никуда не сворачивала, потому что родители взяли с неё страшную клятву: ни шагу – ни вправо, ни влево. Но сейчас Ксюша могла делать всё что угодно. Ведь родители больше никогда не увидят свою единственную дочку и не узнают о её домике в коробочке...

Асфальта под ногами больше не было, да и тропинка то и дело терялась среди кустов. Здесь росла не сирень, как на большой аллее, которая сейчас так фантастически цвела и притягивала ароматом, а какие-то не очень красивые, лохматые кустарники.

– Ничего, – пробормотала Ксюша, – среди таких тебе и надо жить.

Вот деревья были знакомыми – берёзы, сосны, ели... То и дело задирая голову, девочка любовалась их зелёными макушками, которые мерно покачивались, цепляя ослепительно белые облака.

Ей захотелось посмотреть на них подольше, и Ксюша легла, вытянувшись на траве, положив ранец рядом. Он ещё мог ей понадобиться, ведь умрёт она, скорее всего, осенью – от холода.

А лето придётся как-то пережить... В ранце есть тетрадки, в которых можно рисовать, если станет скучно. И учебники, которые она сожжёт холодной ночью. Вот только как-то надо добыть огонь.

Трава оказалась тёплой и мягкой. Ксюша даже улыбнулась от удовольствия, глядя в бесконечную синеву, но потом спохватилась, что жизнь её кончена и радоваться больше нечему. Сжав губы, она даже прикусила нижнюю, чтоб не смела вести себя, как заблагорассудится!

И тут она увидела... собаку! Не настоящую – облачную. Белая, большая, с торчащими, как у овчарки, ушами и пушистым хвостом, она плыла над верхушками сосен. Раскрытая пасть её не издавала, конечно, никаких звуков, но Ксюше померещилось, будто собака весело лает, точно зовёт её куда-то.

Быстро встав на четвереньки, Ксюша неожиданно для себя гавкнула ей вслед.

– Ой! – вырвалось у неё.

Девочка прижала ко рту ладошку и испуганно огляделась, но никто не забредал в эту часть парка. Запрокинув голову, Ксюша снова нашла взглядом собаку и вскочила:

– Эй, ты куда?!

А собака уже скрывалась за деревьями...

Забыв о ранце, девочка бросилась за ней следом. Она не смогла бы объяснить себе, за-¹⁰²чем так важно видеть это весёлое облако, но точно знала, что не может потерять его сейчас. Какая-то невидимая нить протянулась между ней и этой небесной собакой... И Ксюша бежала со всех ног в ту сторону, куда ветер гнал облака.

– Подожди! – крикнула она и засмеялась, забыв, что недавно запретила себе это делать. – Догоню!

И вдруг...

Остановившись посреди крошечной полянки, девочка, часто моргая, уставилась на оставленную под кустом коробочку. Точно такую, какая представлялась ей. Будущий домик – до самой смерти.

Ксюша медленно подняла голову, но собаки уже не было видно. Её сменили обычные облака – бесформенные и не умеющие смеяться.

– Ты привела меня к моей коробочке? – у неё опять перехватило горло.

Слёзы, оказывается, никуда не ушли, они были наготове и вернулись слишком поспешно, она не успела подготовиться. Из глаз разом вытекли слезинки, а из горла вырвался судорожный всхлип.

Быстро вытерев щёки, Ксюша глубоко вздохнула, пытаясь подавить плач, и обречённо направилась к коробке. Ноги её слегка заплетались, будто отказывались идти по пути, уготовленному судьбой. А на плечи навалилась неведомо откуда взявшаяся тяжесть, и девочка даже сгорбилась.

«Вот теперь я точно чудище... Как из сказки «Аленький цветочек». Только меня уже никто не спасёт! Мальчики же не просят у своих отцов цветочки... А с девочкой я сама не буду целоваться! Ещё чего!» – Ксюша снова тяжело вздохнула и присела.

И тут... Коробочка шевельнулась!

Взвизгнув, девочка резко отпрянула от неё, опрокинулась и села на землю. Отталкиваясь каблучками туфель, она быстро поползла назад. Сердце у неё заколотилось, и на миг Ксюша даже оглохла.

А когда в ушах перестало шуметь, с ужасом различила, что повизгивает не только она...

– Кто там?!

Но коробочка издала только тоненький звук, похожий на скулж.

– Там кто-то есть? – на всякий случай повторила она, хотя уже начала догадываться, что ответа не получит.

Несколько секунд Ксюша собиралась с духом, потом встала на коленки и осторожно подползла к коробке. Кто-то был внутри, в этом девочка уже не сомневалась. Но кто? Вдруг монстр, ещё более страшный, чем она сама?!

Можно было гадать до самого вечера... Или бежать отсюда куда глаза глядят... Но любопытство было куда сильнее страха! Оно само подняло её руки и заставило их раскрыть картонные створки, закрывавшие коробку сверху. А потом вынудило Ксюшу наклониться и заглянуть внутрь...

– Ой! – вскрикнула она. – Щеночки! Крохотулечки какие...

Скулил только один – беленький с рыжим пятнышком. Трое других лежали неподвижно, а он пытался ползать по ним. Но все они были слишком маленькими, наверное, только родились, и у щенка ещё даже не получалось передвигаться. Он беспомощно тыкался мордочкой то в своих братьев, то в днище коробки, которая даже не была ничем застелена.

Задохнувшись от нежности, Ксюша осторожно взяла щенка и прижала его к груди.

– Ах ты мой хорошенький, – пропела она. – А где же ваша мама? Куда она делась?

Щенок тыкался в неё крошечным мокрым носом и пищал. Более прекрасного звука Ксюша не слышала в своей жизни! Глазки у него были едва приоткрыты, наверное, он ещё и видеть как следует не научился.

Прижавшись к тёплому тельцу щекой, девочка закрыла глаза:

– Ты мой. Мой. Я тебя никому не отдам. Это же я нашла тебя! Только давай мы и твоих братиков достанем.

Аккуратно опустив щенка на травку, она снова заглянула в коробку и озадаченно нахмурилась. Щенки не шевелились. Почему-то ей стало не по себе оттого, как крепко они спали...

Девочка боязливо протянула руку и тут же резко отдернула её, ощутив неживой холод.

– Да они же...

Договорить Ксюша не смогла. Только быстро закрыла коробку и схватила своего щенка, чтобы вернуть ладошкам живое тепло. Неуклюжие движения малыша заставили ужас отступить, но Ксюша чувствовала, что по спине то и дело пробегают волны озноба, как бывало во время болезни.

– Но я же не болею, – прошептала она, – а они...

Прижимая щенка, девочка некоторое время неподвижно сидела возле коробки. Её мысли сначала путались, как те нитки – красная и зелёная, из-за которых всё это и случилось с ней в этот день.

Потом в голове начало медленно проясняться, и Ксюша поняла: если бы она не получила двойку и не приняла решение жить в коробочке, то ни за что не оказалась бы в этой заброшенной части парка... А не заметила бы собаку-облако и не побежала бы за ней, не наткнулась бы на брошенных щенков...

«Наверное, их мама умерла, – догадалась девочка. – И превратилась в ту небесную собаку... Вот почему она вывела меня к щенкам! Чтоб я спасла их. Хотя бы одного...»

Ей было горько оттого, что она пришла сюда так поздно. Но не опоздала же совсем!

– Я потом вернусь с папой, и мы похороним твоих братиков, – шепнула Ксюша щенку. – А то чем я выкопаю ямку? У меня же нет с собой лопатки.

Только сейчас она вспомнила о ранце, брошенном где-то в зарослях, и встрепенулась. Вернуться без него, конечно, можно было... Но Ксюше вдруг пришло в голову, что кто-то чужой

может найти его и увидеть в дневнике двойку по технологии. Единственную, но самую позорную! Ведь именно она выдавала страшную тайну: у Ксюши руки растут не из того места...

В том, что она возвращается домой, девочка не сомневалась. Можно было сколько угодно рисковать своей жизнью, но теперь же с ней был щенок! И Ксюша была обязана спасти его. А кормить его в парке нечем... Да и самой – чем тут питаться? Значит, они оба могли быстро умереть с голода.

Ксюша даже передёрнулась от этой мысли и вскочила. Нужно было торопиться, ведь и этот щенок, её щенок, тоже мог погибнуть в любой момент! Раз остальные не выдержали...

Прижимая малыша к груди, она быстро пошла назад по тропинке, которая привела её сюда. Вот-вот должен был появиться её яркий ранец. Где же он?

– Да куда он делся?! – плаксиво вскрикнула Ксюша, когда поняла, что идёт уже слишком долго.

Девочка беспомощно завертелась на месте: заблудилась она, что ли? У неё разом ослабели колени, и захотелось сесть на землю. Но Ксюша одёрнула себя:

– Ты что? Это же не тайга! И не джунгли какие-нибудь... Это городской парк, тут целые толпы людей гуляют! Кто-нибудь сейчас появится.

Но никто почему-то не показывался. Ксюша быстро взглянула на солнце: оно было ещё высоко, ночь наступит не скоро. Значит, у неё полно времени!

Она строго взглянула на щенка:

– Ну, и чего ты трусишь? Вообще нечего бояться! Даже если ранец совсем потерялся... Мы потом с папой его обязательно найдём, когда вернёмся сюда. Ну поругают немножко. Главное, сейчас нам с тобой выбраться отсюда.

Ускорив шаг, Ксюша начала напевать, чтобы голос заглушил страх. Пела она так себе, но сейчас же её никто не слышал, кроме щенка... А он точно простит, если хозяйка сфальшивит. Ведь это же её щенок!

Вдруг спохватившись, Ксюша с досадой прищёлкнула языком:

– Прости, прости! Ты уже целых полчаса мой щенок, а я до сих пор не придумала тебе имя... Ой, как стыдно! Давай назовём тебя...

И тут оказалось, что очень непросто выбрать самое лучшее имя. А её щенок, конечно же, заслуживал самого лучшего! Всякие собачьи клич-

103

ки из книжек и фильмов Ксюша отмела сразу. Ещё не хватало, чтобы её щенка всё время сравнивали с Хатики или Мухтаром!

Задумавшись, Ксюша не заметила, как пошла медленнее, потому что на бегу соображалось не очень... Она перебирала в уме варианты: Шарик, Джек, Рекс... И отметала их один за другим. Нужно было что-то совершенно особенное!

Но тут её пронзила догадка:

– Ой, а я же не знаю – кто ты? Мальчик или девочка? Как это понять-то? Ну-ка, посмотри на меня...

Она слегка приподняла щенячью мордочку, похожую на крошечный башмачок. Сдвинув брови, Ксюша оглядела его со всех сторон и вздохнула:

– Ничего не поймёшь... Вроде на мальчика похож! А если ты всё-таки девочка? Обидишься ведь, если я тебя пацанским именем назову! Надо бы что-то такое... Чтобы и мальчику, и девочке подходило. Как Женя! Только собачье...

Тихонько захныкав от беспомощности, Ксюша подняла голову к небу, и вдруг её осенило. Она даже рассмеялась от радости и нежно прижала щенка:

– Ну конечно! Вот я дура... Это же сразу было ясно! Я назову тебя – Облачко. И неважно –

мальчик ты или девочка! И как раз ты беленький, как облачко.

Щенок ткнулся носом в её шею и жадно зачмокал. Стало так щекотно, что Ксюша хихикнула:

– Ой, не ешь меня! Побежали домой. Ну его, этот ранец...

И в ту же секунду она увидела женщину, которая быстро ехала на велосипеде.

– Эй! Подождите! – крикнула Ксюша и бросилась за велосипедисткой.

Но та не притормозила и даже не повернула головы.

«В наушниках, – догадалась девочка. – Теперь никто ничего не слышит, хоть заорись!»

И всё же ей стало легче, ведь можно было бежать в ту сторону, куда умчался велосипед. Рано или поздно она куда-нибудь да прибежит. И найдёт свой дом. И всё-всё расскажет родителям...

«Глупость какая – жить в коробочке! – уже смеялась она над собой, всё ускоряя и ускоряя шаг. – Никто не должен жить в коробочке. В них не живут, а... умирают».

– А нам с тобой ещё жить да жить! – шепнула Ксюша в нежное, мягкое ушко. – И скоро мы с тобой будем дома. У нас ведь есть дом, Облачко!

И щенок согласно пискнул у неё в ладонях.

2017 год

